

ПРАВО НА ВОССТАНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ В СВЕТЕ ДОКТРИНЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Тема восстания в современном контексте

О праве народа на восстание в русской дореволюционной литературе помимо произведений А.Н. Радищева, М.А. Бакунина, Н.Г. Чернышевского и других сторонников насильственного свержения царизма, упоминалось лишь в связи с критическими обзорами западноевропейской философии права, в частности, учений Бодена, Гоббса, Локка и Руссо. Невозможно рассуждать о государственном или народном суверенитете, не затронув тему смуты и тирании. Однако восстание, как феномен правового сознания, глубоко не исследовалось, о нем, как правило, рассуждали исключительно в политическом или философском контексте¹. После Октябрьской революции право народа на восстание окончательно перестало служить поводом основательных размышлений. В советской литературе социалистическое государство трактовалось как диктатура пролетариата, ставшее общенародным вследствие отсутствия эксплуатируемых классов и выхолащиванием классовой борьбы из внутренней политики в послевоенные годы. Эта доктрина не допускала антагонистических противоречий между обществом и государством. И поскольку она была краеугольным камнем поздней советской государственности, тема восстания присутствовала в учебной и научной юридической литературе преимущественно как пример марксистского учения о диктатуре пролетариата и истинно пролетарского отношении к буржуазной государственной машине. Невнимание правовой доктрины к реальному состоянию советской государственности и тем противоречиям, которые впоследствии вынудили советское руководство провозгласить курс на перестройку и раскололи партийную элиту на несколько непримиримых политических группировок, обернулось попыткой августовского переворота 1991 г. Однако ни политические итоги процесса, завершившегося распадом Советского Союза и Беловежскими соглашениями в декабре 1991 г., ни

* © Пермяков Ю. Е., 2018

Пермяков Юрий Евгеньевич, к.ю.н, доцент

события октября 1993 г. до сих пор не получили сколько-нибудь определенной правовой оценки². И даже октябрь 1917 г. и последующая трансформация российского государства доктринально трактуются в предельно широком диапазоне – и как «преданная революция» (Л. Троцкий), и как победа социализма и построение в СССР государства нового типа, и как «имитация цивилизации» (А. Зиновьев).

После 1993 г., уже в новых исторических условиях, государство получило, в частности, в работах Л.С. Мамута, трактовку как публично-властной организации народа³. В этой концепции право на восстание должно бы восприниматься как юридический оксюморон, нелепость. Действительно, если помимо государства у народа нет иной формы воплощения собственной целостности и обретения политической идентификации, ему неоткуда взяться для сопротивления какой бы то ни было власти. Представительство, т.е. вступление в отношение от имени другого, невозможно без правовой процедуры. Более того, согласно этой концепции сущности государства власть никогда не может быть «внешней» по отношению к народу, поскольку по своей природе она возникает из доверия и признания, какими бы тягостными размышлениями о её несовершенстве и собственной несвободе это признание ни сопровождалось.

В зарубежной философии права доктринальное обоснование права на восстание против тирании и угнетения к сегодняшнему дню также утратило свою актуальность. И хотя в ряде правовых документов – конституциях, Всеобщей декларации прав человека и в других международно-правовых актах – оно сохранило свои следы, можно сказать, что право народа на восстание к концу XX века прочно забыто, как забыты религиозно-метафизические коннотации народа, тирана и судьбы, вершащей свой суд над всякой властью. Однако события последнего десятилетия, поименованные неопределенным образом как «арабская весна», «бархатные», «цветные» и «оранжевые» революции, вынудили философию права вернуться к этой теме⁴. Её актуальность заключается в том, что кризис легитимности, без которого свержение прежнего правительства не могло бы состояться в качестве исторического события, непременно должен завершиться обретением новой властью своей легитимности со всеми юридическими последствиями этого обстоятельства. Государственный интерес, как отмечает И.А. Исаев, требует, чтобы государство было сохранено. По его мнению, государство в ситуации государственного переворота

действует само за себя, без правил и с драматической необходимостью⁵. И именно это противоречие с точки зрения догматики права представляется неразрешимым: у отсутствующего субъекта не может быть интереса. Вне правовых определений государство идентифицировать невозможно, поэтому вопрос о том, кто требует сохранения государства и действует в его интересах в ситуации свергнутой власти, остается открытым.

Насильственный захват власти противоречит конституционным основам и в любом случае нелегитимен⁶. Помимо собственно юридической оценки революционных действий в качестве противозаконных и, соответственно, преследуемых и наказуемых, это утверждение имеет еще один смысл: утрата властью собственного правопреемства. Восстание манифестирует новую сущность власти, которая не несет ответственности за действия поверженного или изгнанного тирана. Одно это соображение способно свести на нет все административные и правотворческие инициативы сформированного после государственного переворота правительства. Демонстративный отказ от правопреемства подрывает доверие к любой власти, усматривающей в нем политическую целесообразность. Власть, которая отказывается от ответственности за собственные действия в прошлом, как бы она ни мотивировала этот разрыв, рискует утратить доверие населения и свой юридический статус. Поскольку прошлым может оказаться абсолютно все, что имеет смысл в настоящем, актуальная власть нуждается в гарантиях собственной незыблемости. Власть не может допустить, чтобы ее распоряжения воспринимались как сиюминутный фактор, наряду с иными преходящими смыслами. Любая власть декларирует свое пришествие «всерьез и надолго». С исчезновением времени исчезает всякая оппозиция власти⁷. Поэтому практика возвращения к символам прежней, «дореволюционной» государственности, не говоря уже об официальном признании своего правопреемства, представляется не просто исторической закономерностью и отличительной чертой государственного обустройства, но сущностной особенностью государственно-правового режима, которая получает интерпретацию в терминах вечности, «конца истории», свершившегося божественного замысла и т.д.⁸

Тем государственно-политическим режимам, которые возникают вследствие антиконституционного свержения законного правительства, уготован нелегкий путь международного признания и поиска в границах

национального единения неизбежных политических компромиссов со своими отрешенными от власти противниками⁹. Политический и национальный раскол народа как единой культурно-исторической общности в ряде случаев влечет создание временных государств, своего рода близнецов-антагонистов (ФРГ и ГДР, Северная и Южная Корея, Южный и Северный Вьетнам, Китай и Тайвань, отчасти Румыния и Молдавия, а в известном историческом отрезке – Великобритания и Новый Свет, оформившийся к концу XVIII в. как Соединенные Штаты Америки), что само по себе служит источником внутривластной и международной напряженности. В ряде случаев национальный раскол сопровождается образованием параллельных форм государственной власти («двоевластие») на одной территории, что имело место в России после Февральской революции, а также относительно недавно в отдельных регионах Российской Федерации (в период «парада суверенитетов»). Наконец, создание параллельно действующего правительства может приобрести значение юридической фикции («правительство в изгнании»), осложняющей реализацию государственной власти и консолидацию народа в границах единого государства.

Казалось бы, постулирование *права на восстание* могло стать доктринально сформулированным разрешением этого противоречия: если право на восстание, проистекающее из народного суверенитета и обязанности власти соответствовать своему предназначению, в действительности признано в качестве такового естественным и неотъемлемым правом каждого народа, насильственные действия по возвращению власти народу представляются в этом свете одной из экстраординарных форм реализации идеи народовластия. Так, Дж. Локк полагал, что истинными мятежниками следует именовать тех, кто, находясь у власти, поддается искушению применить силу и ввергает общество в состояние войны, производя тем самым восстание¹⁰. Однако нелегко согласиться с тем, что в ходе реализации право теряет свои наиболее существенные признаки и, более того, превращается в собственную противоположность. Коль скоро право по своей сути противоположно войне и насилию, «право на насилие», в том числе и понуждение к неконституционным действиям, практикуемым в ситуации «бархатной революции» (например, досрочная отставка президента или иного государственного служащего без юридических оснований), выглядит доктринальным издевательством над здравым

смыслом и неразрешимым логическим противоречием¹¹. Нормы существуют лишь внутри организованного социального пространства, к природному хаосу, где жизнь целиком зависит от индивидуальных способностей выживания, они неприменимы. Правовое принуждение реализуется в поступках тех, кто подчинен юридической силе правовых норм и решений. У революционного восстания, следовательно, надо искать какую-то иную, неправовую природу¹². В своем незаконченном труде «Государство и революция» В.И. Ленин ни разу не прибегал к философско-правовому обоснованию вооруженного восстания. Мир эксплуатации, который предстояло разрушить, находился по другую сторону правовых норм и конструкций. Однако в обновленном революцией мире создание правопорядка и обеспечение безопасности рано или поздно приведут к постановке тех же вопросов об источниках легитимности, которые перед захватом власти представлялись революционерам несущественными.

Восстание, которое не порывает с прежним миром и не столь радикально в постановке своих задач, как это продемонстрировал большевистский проект Великой Октябрьской Социалистической революции, претендует на правомерность и юридическую легитимацию¹³. В этой связи формула «право на восстание говорит языком насилия»¹⁴ представляется неточной. Насилие, которое устраняет насилие, служит образованию социальной структуры, оно создает право, говорит от его имени и с полным основанием именуется защитой¹⁵. В отличие от насилия защита претендует на правомерность, и потому в теории права всегда предпочитали рассуждать именно о государственном принуждении, а не о государственном «насилии», понятие о котором уведомляет о политическом кризисе и скором крахе государственности. Защита, т.е. легитимное насилие, практикуемое самим населением, встречается в современных документах – хартиях и конституциях некоторых европейских государств¹⁶. Право граждан на сопротивление угнетению следует рассматривать в череде гарантий гражданского мира. Исторические истоки этого права можно найти в средневековом праве на восстание против власти князя-еретика и отступника, вряд ли ранее¹⁷. В эпохи, когда богоустановленный мир казался незыблемым, переустройство власти должно бы восприниматься как фантазия сумасшедшего. В мире, которым правит гармония, восстание претендует лишь на возвращение к прежней форме правления, которая обретает свою легитимность из самого факта существования.

Защита может заключаться в принуждении органа государства к норме; ряд правовых институтов специально для этого предназначены, например, судебное обжалование незаконных действий официальных органов власти. И даже практика конституционного надзора за правотворческой деятельностью высшего представительного органа власти также несет в себе все признаки защиты – защиты права от государства, если государство, изменяя собственным конституционным основам, порывает сущностную связь с правом, т.е. погружается посредством забвения фундаментальных принципов права в область нелегитимного бытия. Таким образом, второй вариант легитимации восстания мог бы найти развитие в доктрине *восстания как защиты права*. Эта мысль содержится в сочинениях Дж. Локка, когда он рассуждает о том, что народ властен заново обеспечить свою безопасность, если законодатель нарушил оказанное ему доверие: «доверие по необходимости должно быть отобрано, и власть возвращается в руки тех, кто её дал»¹⁸. Именно этот вариант и был избран Карлом Шмиттом в известной статье 1934 г. «Фюрер защищает право»¹⁹. Тема революционного дискурса, восстания и защиты общества стала главной в курсе М. Фуко, прочитанным им в 1975-76 учебном году²⁰. «Чем бы могли быть революционная идея и революционный проект без обнаружения асимметрий, нарушений равновесия, несправедливости и насилий, которые существуют вопреки законному порядку, в его глубине, с его помощью и благодаря ему?»²¹

Восстание всегда нацелено на утверждение социального порядка, этим оно отличается от преступления, в котором устанавливаемый порядок отношений преступника с жертвой локализован и не претендует на всеобщность. Признание права народа на восстание преследует цель не легитимации насилия, а учреждение нового права (революция) либо возвращение утраченного права (контрреволюция). В последнем случае этимологический и актуальный смысл понятия «революция» совпадают: восстановление прежнего правопорядка. Если восстание противопоставлено возвращению общества в состояние войны, оправдана постановка вопроса о праве на восстание в свете доктрины естественного права, как бы это ни показалось странным сторонникам постклассической методологии, опирающейся на идеи М. Фуко. Кодировка социальных противостояний в терминах естественного права (восстание с целью изгнания чужестранцев), которой уделяет внимание французский исследователь, касаясь темы средневековых конфликтов нормандцев и

саксов, не могла бы иметь места, если бы правовое мышление не заключало в себе идею естественного, т.е. неоспоримого права²². Идея естественного права была созвучна также настроениям американских колонистов²³.

Своим нормативным источником восстание имеет не позитивное право, а право, которое либо утрачено, либо еще только мыслится в качестве идеала должного правопорядка. Между тем, в современной литературе предприняты попытки придать этому понятию юридический смысл. По мнению А.А. Кондрашева, право на восстание можно регламентировать. Он считает, что в современных условиях использование народом права на сопротивление (права на восстание) допустимо в случае геноцида или политических репрессий, в случае тотальной коррупции в органах власти, запрета политической конкуренции, фальсификации избирательных процедур, избыточного применения насилия при разгоне публичных мероприятий, избирательное правосудие, а также при введении массовых и необоснованных ограничений прав и свобод граждан²⁴. Однако социальные процессы (геноцид, избирательное правосудие) не могут быть теми юридическими фактами, с которыми закон связывает юридические последствия на уровне индивидуального поведения. Даже «участие в массовых беспорядках», если к ним применить элементарные правила юридической техники, представляются сомнительной юридической конструкцией: субъекту индивидуального поступка невозможно предугадать массовый характер собственных индивидуальных действий и нести юридическую ответственность за то, что кто-то, чьи намерения и действия не охватываются его умыслом, оказался рядом. Тем большую трудность представляет собою задача по формулированию права, субъектом и адресатом которого выступает неорганизованное множество людей. Юридические конструкции и техника не способны совместить метафизический уровень явления (право народа на восстание) с операционально-практическим, на котором индивидуальный субъект права способен сделать выбор и следовать правовой норме в рамках какой-либо юридической процедуры.

Помимо технической сложности, с которой связана законодательная регламентация сопротивления узурпированной власти, легитимация восстания сопряжена с еще одной проблемой. Восстание нацелено не только на захват власти, но и на подавление сопротивления тех, кто

демонстрирует солидарность с поверженной властью и предпринимает действия по ее восстановлению. В том, что у любой власти есть сторонники, сомневаться не приходится хотя бы потому, что власть не только обслуживает общество, но и порождает специфические для нее самой интересы, образуя помимо связанных с властью круга предпринимателей также слой чиновников и «силовиков», служащих в различных ведомствах государственного аппарата. Для участников этих социальных групп свержение власти, которой они служат и общение с которой составляет источник их социального благополучия, несет также утрату своего юридического статуса и комфорта. Заверения радикально мыслящих политиков о том, что цели восстания ограничиваются лишь реформированием государственных институтов и политическими смыслами, населением на веру не принимаются. Как известно, лес рубят, щепки летят. 100 лет назад В.И. Ленин гневно отрицал подозрение европейских, демократов в том, что он и партия большевиков намерены развязать в России гражданскую войну. Пока сохранялась возможность мирного перехода власти от Временного правительства к Советам рабочих и солдатских депутатов, восстание им не мыслилось как задача дня²⁵. Однако насильственный захват власти в России состоялся, как состоялась и гражданская война. Подавление крестьянских повстанцев представляло собой не столько военную операцию, всегда локализованную в условиях местности, сколько полномасштабную войну. Описывая опыт этих карательных экспедиций, М.Н. Тухачевский писал в 1926 г.: «В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться прочной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести, в основном, не с бандами, а со всем местным населением»²⁶. И никому из теоретиков права пока что не удалось обосновать раздельность этих понятий: революционного восстания и гражданской войны. Поэтому в свете исторического опыта России (который хронологически следует соотносить не только с Октябрьской революцией 1917 г., но и с октябрьским кризисом 1993 г.) признание права на восстание в современном звучании могло бы стать узаконением права на развязывание гражданской войны.

Украинские события 2013-2014 г.г., какими бы политическими оценками ни сопровождалось их описание и сущностное определение,

повлекли дефицит легитимности официальной власти, особо ставший очевидным после оставления в феврале 2014 г. В.Ф. Януковичем своих обязанностей президента Украины. Кризис государственности в отдельных российских публикациях был сочтен юридическим основанием не считаться ни с суверенитетом Украины, ни с самим фактом существования независимого государства. Обвинение в агрессии России против Украины, содержащееся в ряде международно-правовых актов и официальных заявлениях, не признается рядом российских ученых именно на том основании, что после февральского (2014 г.) переворота власть в Украине стала нелегитимна²⁷, произошел распад украинской государственности²⁸. Соответственно, агрессия в международно-правовом смысле невозможна в случае отсутствия государства, в отношении которого она якобы осуществлена. Поэтому, с этой точки зрения, отторжение Крыма, начатое российскими военными подразделениями («работа по возврату Крыма», как выразился президент В.В. Путин в документальном фильме режиссера А. Кондрашова «Крым. Путь на родину») и обеспечение голосования жителей Крыма по вопросу о его государственной самостоятельности, а также участие российских военнослужащих и гражданских лиц в боевых действиях на территории Донецкой и Луганской областей Украины в аспекте авантюристического проекта «Русского мира» нельзя расценивать как незаконное пересечение государственных границ и нарушение норм украинского законодательства: у несуществующего государства нет ни границ, ни законодательства.

Таким образом, нерешенный вопрос о праве народа на восстание сегодня представляется не только изрядно запутанным и сложным, но еще и политически взрывоопасным: достаточно горстке политически активных противников государственной власти предпринять действия по ее дискредитации, дестабилизации или захвату, международное сообщество и соседние государства оказываются перед соблазном игнорировать свои международно-правовые обязательства и в порыве национального самообожания выйти во имя декларируемой «войны цивилизаций» за пределы правового поля²⁹. Эти военные авантюры практикуются обеими сторонами конфликта – как восставшими, так и защитниками государственно-правового режима. Правовая форма обременительна в борьбе, исход которой определяется на шкале военных представлений об успехе. Поэтому у современного государства, связанного международными обязательствами относительно средств

ведения войны и вытекающими из уважения государственного суверенитета, в арсенале политических стратегий появляются средства ведения т.н. «гибридной войны» с использованием «частных военных компаний» и военизированных формирований, которые призваны решать задачи, ответственность за которые не может быть возложена на само государство, тем более, если оно заявляет о собственной непричастности к деятельности этих подразделений³⁰. Эта партизанская стратегия, апробированная в свое время «охотником за нацистами» Симоном Визенталем при поимке нацистских преступников, опирается в ряде случаев на исторические традиции и имеет различное морально-политическое содержание (добровольные народные дружины, формирования казачества, военно-спортивные патриотические клубы и т.д.). И не всегда, как например, в конфликте Черногории и России, участие добровольцев-энтузиастов в попытке государственного переворота локализовано рамками дипломатического конфликта³¹. К сожалению, последствия обычно бывают гораздо трагичнее.

О природе «естественного» и современном понимании естественного права

Когда мы называем какой-либо объект естественным, природным, то тем самым исключаем его из области культуры, что освобождает науку от обязанности этического и доктринального обоснования способа его существования. Смысл, т.е. методологическое значение констатации «природы», в этом и состоит: освободить разум от объяснения, всегда подразумевающего обращение к норме, должному³². Естественное существование не находится в какой-либо зависимости от степени его осмысленности, оно просто «есть», и с этим фактическим обстоятельством надо всего лишь считаться. Явления природного мира бессмысленно оспаривать и критиковать. Поэтому неслучайно сторонникам естественного права адресуют упреки в желании гегемонии, а доктрине естественного права отказывают в научности³³.

Тем не менее, понятие естественного права востребовано в политической полемике, в частности, для идеологического обоснования неотъемлемого характера прав человека и ограничения воли государства, поиска общих нормативных оснований международного права, устранения пробелов в законодательстве (обоснования «права на право») и для решения множества иных вопросов, в том числе для

легитимации восстания и сопротивления угнетению. В этом случае естественным правом авторы, как правило, именуют собственные моральные или политические предпочтения, которые они хотели бы видеть в качестве юридических презумпций или универсальных правовых ценностей. Без аксиоматичных оснований ни одна научная концепция не могла бы состояться, поэтому такие предположения в научной теории оправданы и уместны. Вопрос лишь в том, имеются ли у автора какие-либо аргументы для возведения собственных убеждений во всеобщий закон под именем естественного права.

Попытки сформулировать безусловные моральные основания общественной жизни, как показывает история вопроса, не обходятся без дискуссий и демонстрируют несовпадение точек зрения на, казалось бы, один и тот же предмет. Однако вопрос о том, кто вправе давать оценку от имени морального сообщества, отнесен к компетенции права и практически решается исключительно средствами правовой технологии. И даже в том случае, когда на роль моральных авторитетов претендуют деятели, далекие от политики и юридических процедур, вес их суждений также имеет правовую природу, поскольку ни одно признание не состоится без соизмерения заслуг и статуса, без обязывающего значения акта признания³⁴.

Моральная норма, получившая одобрение со стороны авторитетной инстанции, если воспользоваться выражением Г.Л.А. Харта, обретает признаки «рудиментарной формы права»³⁵. То, что в литературе именуют дисциплинарными практиками и технологиями, т.е. организацией морального осуждения в публичном пространстве, уже составляет конкуренцию позитивному праву, поскольку претендует на решение тех же задач и теми же методами, что и официальное право.

Необходимость в хотя бы слабой степени формализации или обоснования моральных норм возникает в ситуации, где нет ясности в понимании характера отношений или границ ожидаемого и допустимого поведения. Поэтому редуцировать проблему естественного права к вопросу о соотношении моральных и правовых норм, особенно при их фактическом отождествлении, когда не различаются ни их социальное содержание, ни социально-психологический механизм реализации, обедняет доктрину естественного права: в теоретическом описании двух самостоятельных групп норм нет повода для диалектического исследования их взаимной обусловленности и нахождения «одного в другом». Неслучайно в границах юридического позитивизма мораль и

право предпочитают трактовать как непересекающиеся параллельные миры.

Любая норма, повествующая о чем-либо с позиции должного, имеет правовой характер. В её определенности, без которой она бы не могла считаться правилом поведения, скрыта творческая потенция инстанции: норма всегда формулируется посредством авторитетного источника. Введение нормы как таковой расщепляет социальный мир, вносит в него дихотомию правильного и неправильного, одобряемого и порицаемого, жизненного и смертельного, и это событие культуры, уведомляя о грозящей ответственности, без которой норма не понималась бы в своем собственном качестве, означает также переход от морального типа мышления, уместного лишь там, где господствует очевидность, к правовому. Подвиг, безусловно, является моральным поступком. Однако награждение героя представляет собой правовую процедуру, поскольку помимо соизмерения деяния и награды происходит конституирование инстанции и установление формально-юридических границ понятия. Награда от случайного свидетеля (личная благодарность) о подвиге не свидетельствует, статусом не наделяет и на общественное признание не претендует.

В постановке вопроса о естественном праве, методологическую основательность которого в современном правоведении оспаривают в силу разнообразных мотивов и соображений, содержится мысль, с которой противникам этой доктрины трудно не согласиться. Как самостоятельная и качественно отличная от иного сущность, право обретает бытие постольку, поскольку способно быть мерой. С утратой нормативности, которая обеспечивает устойчивость и масштабы соизмеряемых величин, право перестает отличаться от любых иных произвольных требований, в своей массе образующих зыбкую почву для недоразумений, социальных конфликтов и насилия. Смысл права выражают с помощью таких понятий как мир, гармония, справедливость и безопасность. Обеспечивая соразмерность разных элементов в обустроенном мире, право соединяет в целое его составные части, которые вне этого целого вовсе лишены движения и способности к взаимному реагированию друг на друга. Таким образом, в тех концепциях, где праву отводится хоть какая-то роль во внешней ему действительности, вопрос о природе объекта правового воздействия последует вслед за вопросом о сущности самого права по той причине, что отношения разноприродных и несоприкасаемых друг с другом

сущностей исключаются. Право неуместно в антагонистических отношениях. Широко распространенное убеждение в том, что кто силен, тот и прав, неопровергнутое со времени известного спора Сократа с Фрасимахом и продолжающее волновать спустя тысячелетия умы наших современников³⁶, в своей основе имеет представление о правопорождающей способности победы, которая создает правовое отношение между поверженным и победителем, коль скоро победитель по естественному праву получает свою добычу. Между тем, естественное притязание сильного на добычу, отнятую у слабого, ограничивает лишь притязания других, с которыми «победитель», не желающий делиться добычей, состоит в правовых отношениях и признание которых ему важно. Война исключает право, но именно потому, что в каждом своем эпизоде ее участники руководствуются идеей совместного выживания и сотрудничества, право онтологически укоренено в социуме: без права невозможна ни социальная жизнь, ни победа и сопутствующая ей борьба как эпизоды несостоятельности закрепляемого нормами правопорядка. Восстание, продолжим мысль Гроция о войне, было бы бессмысленным, если бы его участники не имели цель установления порядка правления и заключения гражданского мира.

В таком случае на вопрос о специфике «юридического» ответ должен содержать объяснение авторитета права и его силы, организующей внешнюю реальность и тем самым создающей в пределах своего господства мир собственных понятий и значений. В границах этого мира царствует жесткая определенность и уважение к формальным различиям, поэтому теоретическая юриспруденция, если хочет добиться признания в качестве научной дисциплины, может состояться лишь как строгая наука. В ином качестве она никому не нужна. Только в мире строго определенных понятий, границ и дискретных значений, т.е. в области права, возможны действительные высказывания (а не трёп как следование дискурсу), поступки (а не их имитация), обретения и утраты.

Итак, у права есть социальное предназначение: соединять и упорядочивать по-разному именуемые философскими учениями стороны бытия. Право укрепляет единство распадающегося на фрагменты социума, поэтому любое правовое понятие не столько обозначает качество (субстанцию), сколько указывает на отношение (роль) субъектов, причастных друг к другу, находящихся в диалоге и

потому – небезразличных к судьбе своего оппонента. Эта взаимозаинтересованность, на философском языке постулируемая как «бытие посредством другого», имеет место не только в ситуации бесконфликтного правового общения, например, при заключении обоюдовыгодной сделки, но и там, где, казалось бы, стороны подчинены желанию взаимного уничтожения, например, при переговорах представителей официальной власти с террористами об освобождении заложников.

Правовые понятия образуют форму, в которой опосредуются иным образом несоотносящиеся друг с другом сущности: ответственность примиряет деликт и благо, конкурс соотносит индивидуальные притязания и общественные ожидания, договор служит формой компромисса взаимонаправленных запросов. И даже в жестоком приказе капризного и полоумного диктатора следует видеть не один лишь факт демонстрации чудовищной воли, но и «*message*», уведомление о том, при каком общественном настроении приказ суверена претендует на приемлемый обществом смысл. Восстание против воли диктатора сообщает об утрате смысла подчинения. Социальное единство рассыпается, что и демонстрируют собой революция, бунт и восстание как таковые.

Содержащиеся в нормах права требования авторитетным образом принуждают претендента на обладание статусом к определенному модусу человеческого существования и мышления. Таким образом, в рассуждениях правоведов о природе рано или поздно должна прозвучать мысль о том, что связь каких-либо феноменов, которые посредством права обретают возможность войти в соприкосновение, служит человеку его естественной средой, т.е. жизненной основой бытия. Нельзя, иначе говоря, думать, будто естественное и позитивное право повествуют о разных предметах: одно – о «гармонии мироздания», о естественном порядке вещей, другое – о «продукте цивилизации», т.е. об искусственном порядке, установленном властью³⁷. Это различие, ставшее банальной, и потому недоступной для рациональной критики истиной, не объясняет соответствие одного другому. Если естественное и законоустановленное право принадлежат разным мирам, трудно принять за аксиому соответствие позитивного права естественному порядку.

«Естественное» и «позитивное» содержание права, будучи абстрактно противоположными друг другу сторонами, в исторической

действительности образуют одно смысловое целое, единое конкретно-историческое явление, в котором и следует признавать право как таковое, право как историческую реальность и исторический факт. Иное соотношение «естественного» и «позитивного» права предполагало бы их способность к самостоятельному и независимому друг от друга историческому существованию. Тогда бы вслед за Руссо и в русле порожденной его идеологией традиции революционаризма современным народам пришлось бы постоянно пребывать в радикальной оппозиции к существующему правопорядку, пытаясь с глубокой верой в безграничные творческие возможности человека противопоставить одной исторической реальности другую, одну власть – другой. Неустрашимые человеческие идеалы свободы и справедливости находили бы свое революционное воплощение в постоянной борьбе. Этот взгляд, нашедший своих романтических апологетов в марксизме и, в особенности, в ленинском его прочтении, обрекает право на имманентный кризис законности и противоречивые в своей основе попытки нелегитимным образом сформировать легитимный правовой порядок³⁸.

Естественное право претендует на решение парадоксального в своей основе вопроса о легитимности самого права³⁹. Если право возникает в ситуации дефицита морального доверия, недоверие к самому праву, оправдывающее постановку вопроса о его легитимации, должно находить свое разрешение внутри позитивного права, подобно тому, как понятие злоупотребления правом направлено на защиту доверия к субъективному праву. Особенность современного состояния доктрины естественного права состоит в том, что её сторонниками предпринимаются попытки осмыслить естественное право в виде имманентной и фундаментальной характеристики позитивной правовой системы⁴⁰.

Те, кто сегодня обращается к проблематике «естественного права», далеки от того, чтобы, воспринимать естественные законы человеческого общения в теологической перспективе, т.е. как нечто сверхприродное и неестественное. Лон Фуллер подчеркивает: «Эти естественные законы не имеют никакого отношения к какому бы то ни было «всеприсутствию, нависающему с небес». Они также не имеют ничего общего со всевозможными суждениями наподобие того, что контрацепция есть нарушение закона Божьего. Они остаются полностью земными и по происхождению, и по применению»⁴¹.

Способность гражданского общества эффективно реагировать на любое движение действующей власти в противоположную от конституции сторону, получившая закрепление в череде правовых институтов, включая признание элементарного права на выражение собственного мнения и судебную защиту, предохраняет государство от угрозы восстания и революции⁴². Право на повседневное сопротивление насилию обретает иной масштаб – не общенародного восстания, а повседневного сопротивления, становясь, таким образом, общепринятой нормой политической культуры⁴³. В этом смысле «право на восстание» действительно становится анахронизмом, однако лишь в той мере, в которой анахронизмом оказывается узурпация власти и жестокое господство правящей «элиты». Когда же узурпация состоялась, общество стоит перед вопросом: достаточно ли оснований для радикальной защиты правопорядка, когда и как право на свержение правительственной власти подлежит реализации?⁴⁴

Право как смена дискурса: от революционного восстания к индивидуальному сопротивлению и общественному контролю

Мир, в котором насилие легитимирует себя в качестве естественного основания права, именуется варварством. Мир, в котором основанием социума выступает право, именуют цивилизацией. Различие достаточно умопостигаемое, особенно если учесть, что в исторической реальности одно не просто соседствует с другим, но подчас превращается в собственную противоположность. Можно наблюдать, как легитимно избранный президент в какой-либо стране превращается в узурпатора, устраняя своих политических соперников, как конституция перестает быть юридически значимым документом, а правосудие становится легитимным средством личной расправы в ходе конкурентной борьбы⁴⁵. Однако в действительности эти процессы не настолько просты, чтобы можно констатировать их на уровне наблюдаемых фактов. Противоречащий конституции закон может быть отменен органом конституционного надзора, неправосудное решение может быть исправлено вышестоящей судебной инстанцией, возмечтавшему о своем преемнике президенту укажут на предусмотренную законом юридическую процедуру избрания и основополагающие принципы демократической формы правления. В силу того, что право не представляет собой явления, однозначно

тождественного самому себе, общество заинтересовано в том, чтобы социально-культурные, политические и процессуально-правовые гарантии помогали бы сохранять определенность фундаментальных юридических понятий.

Между тем, границы, без которых не могут состояться в своей юридической определенности правовые решения, весьма подвижны. Нельзя не видеть различий в понимании правовых и моральных правил, которые обусловлены культурными и региональными особенностями. Устойчивость правовых норм всегда под вопросом. Поэтому задача гражданского общества заключается в постоянном контроле над теми идеологическими смыслами, которые определяют социальные практики и юридическое содержание правовых институтов. Поскольку в современном обществе, особенно в юридических процедурах, неуместны метафизические понятия восемнадцатого века, вряд ли кого могут мотивировать к правомерным действиям «обращение к небесам» и моральные укоры относительно деспотических наклонностей. Восстание, предполагающее своим субъектом «народ», не может состояться по той причине, что сегодня утрачено метафизическое представление как об угнетении, так и о народе. Мы можем лишь констатировать, что какой-то части населения или отдельному субъекту права его собственное бытие мыслится в метафизической перспективе. Но язык правового общения, хотя и предназначен для реализации метафизических представлений, таких, например, как свобода и справедливость, может быть лишь универсальным. В таком случае защита правопорядка, ради которого предпринимается восстание, представляется на индивидуальном уровне борьбой за свои права, в ходе которой постоянно воспроизводятся правовые смыслы. У такой глобальной задачи как поддержание гражданского мира и утверждение справедливости появляется новая шкала измерения, на которой борьба представлена защитой человеческого достоинства в ее простых, лишенных демагогии и романтического пафоса, формах⁴⁶.

Право всегда таит в себе возможность новых толкований. Террористические угрозы, этно-национальные конфликты, расовая и классовая борьба, которая возвращается в политическую жизнь, как только общество позволяет себя увлечь расовой или классовой идеологией, постоянно навязывают юридической практике неприемлемые смыслы. И одним из этих смыслов следует признать идеологему восстания. Праву на восстание естественным образом

корреспондирует право правительства на обеспечение собственной безопасности, что в своем непосредственном виде означает легитимную войну с восставшим народом. Такие юридические понятия как «враг народа», «агент иностранного государства» не только служат политическими метафорами, но и деперсонализируют объект правового интереса, что оборачивается для участников политической деятельности утратой своего статуса объекта, достойного государственно - правовой защиты. Ущербный юридический статус представляет собой лишь первый этап на пути к отказу от правовых гарантий человеческого достоинства – понятия, которое безусловно исключает гражданскую войну и насилие. Враг, единственно возможная сторона конфликта, именуемого войной, человеческим достоинством не обладает. Поэтому масса нормативных положений, начиная от запрета выдавать для захоронения тело умершего или убитого террориста его родственникам, до обсуждаемого законопроекта о «презумпции законности» действий сотрудников правоохранительных органов⁴⁷, сегодня работают на войну, повышая порог нечувствительности общества к социальному насилию и восстанию как естественному средству защиты.

Контроль общества за деятельностью исключает захват политической власти посредством т.н. «внешней легитимации», - политической технологии, которая превращает юридическую процедуру в политическую интригу⁴⁸. Если эта опасность действительно реальна, следует признать реальной опасностью всякую сакрализацию власти, поскольку лишь сакрализованная власть воспринимает контроль за деятельностью своего аппарата как угрозу национальной безопасности.

Библиография:

¹ См.: Красинский В.В. Идеология восстания в истории политико-правовых учений // Политика и общество. 2005. № 6. С. 19–29.

² Правовая сторона распада СССР в хронологическом порядке представлена в статье: Шинкарецкая Г.Г. Как распадался Союз Советских Социалистических Республик. Источник в Интернете: <http://www.igpran.ru/articles/2956/>.

³ См.: Мамут С.Л. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5.

⁴ См. например: Красинский В.В. О праве на восстание // Военно-юридический журнал. 2006. № 4. С. 21-23; Мирзоев С. Гибель права: легитимность в "оранжевых революциях". М.: Европа, 2006; Ginsburg T.,

Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions. Источник в Интернете: http://comparativeconstitutionsproject.org/wp-content/uploads/2013_-Right-to-Resist_with-TG-DLR.pdf?6c8912; Кондрашев А.А. Конституционно-правовые аспекты реализации народом конституционного права на сопротивление // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том 14. Вып. 2. С. 170-182.

⁵ См.: Исаев И.А. Бюрократия и революция: опасные связи // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 11.

⁶ В ряде публикаций легитимность понимается исключительно в социологическом смысле – как в той или иной степени проявленная солидарность населения с действиями власти. В таком случае теряется принципиальное отличие официальной власти от любой иной. Легитимность – это способность власти предпринимать какие-либо действия и выполнять свое социальное предназначение в пределах права. Утрата властью легитимности ставит под сомнение уместность самой постановки вопроса о власти. В этом смысле ленинское определение государства как организации, стоящей над обществом и опирающейся на силу, не только далеко от правового дискурса, но и от сущностного понимания власти как правового отношения, за рамками которого оказываются избыточными юридические процедуры, институт ответственности и формальная определенность права как таковая.

⁷ См.: Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М.: Юрист. 1998. С. 238.

⁸ Возвращение к собственной истории с целью ретроспективной легитимации настолько представляется значимым, что 12 сентября 2000 г. Сейм Литвы принял закон о признании правовым актом заявления Временного правительства Литвы “Декларация о восстановлении независимости”, опубликованного 23 июня 1941 г. в связи с отступлением Красной Армии. Само Временное правительство просуществовало недолго, оно так и не обрело все необходимые признаки государственности и оставило о себе память еврейскими погромами и расправами над семьями коммунистов. См.: Кантор Юлия. Прибалтика: война без правил (1939-1945) // Звезда. 2011. № 6. Источник в Интернете: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/6/ka12.html>.

⁹ Так, за военным подавлением непослушного президенту Верховного Совета РФ и арестом политических лидеров «защитников» Дома Советов (Р. Хасбулатова, А. Руцкого, А. Макашова и др.) вскоре последовала амнистия всех участников сентябрьских и октябрьских событий 1993 г. Официальной юридической оценки этих событий (осуществленного президентской властью «государственного переворота» либо неудавшегося «мятежа» депутатов Верховного Совета) нет до сих пор.

¹⁰ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. // Его же. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 391-392.

¹¹ Добровольная регламентация насилия самими участниками (договоры «права войны») не способна придать жертвам статус субъекта права, которые

по-прежнему рассматриваются договаривающимися сторонами вне своей воли как простые объекты внешнего им интереса. Между тем, право, если только действительно признавать его коммуникативно-диалогическую природу, невозможно без взаимного признания правосубъектности.

¹² Восстания преследуют разные цели и потому вряд ли следует говорить об их общей природе. Норильское восстание заключенных (1953 г.) отличается от Варшавского (1944), венгерское (1956) от Берлинского «рабочего восстания» (1953) не только историческими деталями, что очевидно, но прежде всего своими целями и своей идеологией. Невнимание к этому вопросу вынуждает наш язык нивелировать их природу посредством усредняющего термина «события».

¹³ Таким восстанием, в частности, представляется Февральская революция 1917 г., которая не порывала с прежней государственностью, поскольку, строго говоря, добровольное отречение Николая II от трона нельзя рассматривать как акт насилия со стороны восставших. Если это и была «революция», то – самая мирная из тех, которые знала европейская история в начале XX века. Государственный кризис посредством созыва Учредительного Собрания находил свое политическое завершение в легитимном варианте исторического развития. Разгон Учредительного Собрания в январе 1918 г. более чем однозначно продемонстрировал состоявшийся выбор большевистской стратегии в направлении гражданской войны, т.е. подавления любых выступлений тех, кто и составлял значительную часть российского общества – крестьян, предпринимателей, а также представителей старого и нового чиновничества.

¹⁴ Погребняк С.П., Уварова Е.А. Сопротивление угнетению. Восстание. Революция. (Теоретико-правовой анализ в свете прав человека) // Право і громадянське суспільство. 2013. № 2. С. 5. Источник в Интернете: <http://lcslaw.knu.ua/index.php/arkhiv-nomeriv/2-3-2013/item/102-soprotivlenie-ugneteniyu-vosstanie-revolyuetsiya-teoretiko-pravovoj-analiz-v-svete-doktriny-prav-cheloveka-pogrebnyak-s-p-uvarova-e-a>.

¹⁵ Замечу, что В.И. Ленин не допускал постановки вопроса о том, чтобы социалистическая революция защищала чьи-то интересы в рамках социальной структуры капиталистического общества. Эта стратегия была сочтена им тред-юнионистской, следуя которой рабочий класс был не способен созреть до политических требований.

¹⁶ Так, Чехо-Словацкая Хартия основных прав и свобод (1992) в статье 23 установила, что граждане имеют право оказывать сопротивление каждому, кто посягает на демократический порядок осуществления прав человека и основных свобод, установленный Хартией, если деятельность конституционных органов и действенное использование средств, предусмотренных законом, оказываются невозможными. См. подробнее: Кондрашев А.А. Указ. соч.

¹⁷ У некоторых античных авторов затрагивается тема политической целесообразности изгнания или убийства тирана, однако, как представляется,

лишь с обоснования Фомой Аквинским справедливости народного возмездия за злоупотребления царской властью три понятия - право, народ и восстание - заключены в смысловой контекст единого социального события.

¹⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении. Глава XIII. Тезис 149.

¹⁹ См.: Шмитт Карл. Фюрер защищает право. К выступлению Адольфа Гитлера в рейхстаге 13 июля 1934 г. // Его же. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом государственного университета-Высшей школы экономики, 2010. С. 263-270.

²⁰ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005.

²¹ Там же. С. 94.

²² См. Фуко М. Указ соч. С. 115.

²³ См.: Головки Ю.М. Власть как право на доверии и революция как право из его утраты: взгляды Джона Адамса на природу правления и истоки гражданских прав // Философия права. 2012. № 4. С.62-66.

²⁴ См.: Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 177-179.

²⁵ См.: Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 117-118.

²⁶ Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 7. С. 9. Доступ в Интернете: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/tuhachevsky_mn03.pdf.

²⁷ См.: Вельяминов Г.М. Воссоединение Крыма с Россией: правовой ракурс // Государство и право. 2014. № 9. С. 12-18.

²⁸ Толстых В.Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5. С. 40-46; Толстых В.Л. Указ. соч.;

²⁹ Обзор правовых оценок присоединения Крыма достаточно объективно представлен в статьях российских авторов. См. например: Свечников Н.И., Богданова М.А. Крымский референдум – некоторые аспекты политико-правового анализа // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 3 (7). С. 28-32. Обзор идей «русского мира» в историческом и современном контексте см.: Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С.163-167; Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015.

³⁰ См. например: Рождественский И., Баев А., Русяева П. Призраки войны. Частные военные компании выходят из тени // РБК, 2016. №. 9. С. 75-85. Источник в Интернете: <http://www.rbc.ru/magazine/2016/09/57bac4309a79476d978e850d>.

³¹ Что за дипломатический конфликт возник между Черногорией и Россией? // Аргументы и факты. 2017. 29 мая. Источник в Интернете: http://www.aif.ru/dontknows/actual/что_за_дипломатический_конфликт_возник_м_езжду_черногорией_и_россией.

³² «Смысл открытия природы не может быть понят, если под природой понимать «всю совокупность феноменов». Ибо открытие природы состоит

именно в разделении этой совокупности на феномены естественные и феномены неестественные, «природа» – термин разграничения». (Штраус Лео. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 81).

³³ См. например: Грибакин А.В. Естественное право людей: от житейских иллюзий к науке // Российский юридический журнал, 2013, № 5. С. 88-90.

³⁴ См.: Мелас В.Б. Феноменология признания // Логико-философские штудии. 2015. Том 13. С. 201-210.

³⁵ См.: Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. С. 91.

³⁶ См.: Бугай Д.В. Проблема справедливости в первой книге “Государства”: Фрасимах // Вопросы философии. 2016. № 5. С.137–146.

³⁷ См. например: Кальной И.И. Философия права. М.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 72-73.

³⁸ Неудивительно, что Карл Шмитт выступил против идеи непрерывной легальности в статье с выразительным названием «Фюрер защищает право. К выступлению Адольфа Гитлера в Рейхстаге 13 июля 1934 года». См.: Шмитт Карл. Государство и политическая форма. М.: Высшая школа экономики, 2010. С. 263-270.

³⁹ Легитимность права подразумевает его соответствие чему-либо, его признанность на основе каких-либо критериев, моральных или идеологических, которые, в свою очередь, сами могут быть подвержены проверке на легитимность, коль скоро претендуют на всеобщность. В итоге образуется замкнутый круг. Можно было бы ожидать, что эта постановка вопроса служит предупреждением к построению современной концепции естественного права. Однако в современной литературе совмещается постановка вопроса о легитимации права с отказом от доктрины естественного права. (См.: Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 48). В результате те функции, которые составляют исключительную принадлежность права (легитимация каких-либо форм социальной солидарности), приписываются морали или общественной психологии, что ставит под сомнение исключительную роль и социальную ценность права, а методологическом плане демонстрирует череду подобий.

⁴⁰ Эту особенность современного этапа в развитии естественно-правовой доктрины отмечает, в частности, А.Б. Дидикин. См.: Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. С. 419.

⁴¹ Фуллер Лон. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 118.

⁴² Tom Ginsburg, Daniel Lansberg-Rodriguez, Mila Versteeg. When to Overthrow your Government: The Right to Resist in the World’s Constitutions. Источник в Интернете:

http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5102&context=journal_articles.

⁴³ См.: Неклесса А.И. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 24-39.

⁴⁴ Tom Ginsburg, Daniel Lansberg-Rodriguez, Mila Versteeg. When to Overthrow your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions. Источник в Интернете:

http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5102&context=journal_articles.

⁴⁵ Возможен и обратный ход: лидер нации, пришедший к власти в ходе военного переворота ради «восстановления спокойствия в стране», впоследствии участвует в президентских выборах, как например, Аугусто Пиночет (Чили), Дези Баутерсе (Суринам).

⁴⁶ Этой, надо признать, совершенно новой стратегии защиты гражданского общества, посвящена книга «Спасти права граждан» Герхарта Баума, занимавшего пост министра внутренних дел ФРГ (1978-1982) в тот сложный для этой страны период, когда идея революционной борьбы с властью нелегитимными средствами, казалось, способна была вдохновить не только членов «красных бригад», но и более широкие слои молодежи. См.: Баум Герхарт. Спасти права граждан. Свобода или безопасность. Полемические заметки. М.: Сектор. 2015.

⁴⁷ См.: В МВД России потребовали "презумпции доверия" к полицейским. Источник в Интернете: <http://www.interfax.ru/russia/564784>.

⁴⁸ См.: Красинский В.В. Юридическое обеспечение выборов в интересах защиты конституционного строя и национальной безопасности. Учебное пособие. М.: Новый индекс, 2010. С. 448.